
DOI: 10.31857/S0236200724020088

©2024 Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

СОЦИАЛЬНОСТЬ И СУБЪЕКТНОСТЬ В СОВЕТСКОМ ПРОЕКТЕ ЧЕЛОВЕКА

Тульчинский Григорий Львович — доктор философских наук, профессор, профессор департамента государственного администрирования. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 190008 Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16. Научный сотрудник института образования и гуманитарных наук. Балтийский федеральный университет им. И. Канта. Российская Федерация, 236041 Калининград, ул. А. Невского, д. 14. ORCID 0000-0002-5820-7333 gtul@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка обобщения опыта осмыслений советского проекта нового человека, осуществленных в XXI столетии. Провозглашенное создание коммунистического общества предполагало не только ликвидацию частной собственности, развитие соответствующих социальных отношений. Эти радикальные преобразования одновременно формировали новое сознание у участников этого процесса и нуждались в активных его акторах. Такой радикальный антропологический эксперимент был весьма противоречив как по ходу его реализации, так и по результатам. С одной стороны, пропаганда и система

Статья подготовлена в рамках исследования «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования», выполненного при финансовой поддержке Российского научного фонда в Балтийском федеральном университете им. И. Канта; грант № 22-18-00591.

образования формировали и транслировали запрос на личность, способную к самостоятельным творческим действиям, взятию на себя ответственной инициативы, с другой — реальные практики социальной жизни регламентировались жестким контролем, пресекавшим любую самостоятельную инициативу. В результате первоначальный энтузиазм преобразований, а также потенциал первого собственного советского поколения были исчерпаны массовыми репрессиями. В конечном счете практики контроля и соответствующего социального отбора породили парадоксально сочетающиеся инфантильную безответственность и нетерпимость. Недоговороспособность, неумение и нежелание выстраивать горизонтальные отношения закрепили опыт решения всех вопросов исключительно через властную вертикаль посредством просьб, жалоб и доносов. Социум расслоился на два взаимодополняющих друга друга типа людей: тех, кто имеет чрезвычайно мало возможностей самостоятельного обустройства своей жизни, и тех, кто безответственно распоряжается этим человеческим материалом. В анализе используются материалы масштабного социально-философского исследования, реализованного С.А. Никольским, ряд социально-этических идей А.А. Зиновьева, а также прагмасемантический подход, позволяющий рассматривать смыслообразование как результат взаимодействия контекстов, задаваемых социально-культурными практиками. В результате проведенного рассмотрения советский опыт предстает убедительным уроком-предупреждением о следствиях формализации социальных отношений. Это особенно актуально применительно к условиям современной ситуации, когда социально-культурные практики в цифровом формате сводят смыслообразование к нормативным алгоритмам, «укрощая» субъектность — основной источник динамики смыслообразования.

Ключевые слова: антропологический идеал, личность, ответственность, прагмасемантика, советское, социально-культурный инжиниринг, социальность, субъектность, цифровизация.

Ссылка для цитирования: Тульчинский Г.Л. Социальность и субъектность в советском проекте человека // Человек. 2024. Т. 35, № 2. С. 136–152. DOI: 10.31857/S0236200724020088

Г.Л. Тульчинский
Социальность
и субъектность
в советском
проекте
человека

Исходные соображения

Каждому человеку, любому обществу в той или иной степени свойственно стремление к развитию, изменению обстоятельств в лучшую сторону. Иногда это стремление вырастает в масштабные проекты переустройства общества путем реформирования или радикального преобразования основ социального существования. Подобные проекты становятся серьезными вызовами их инициаторам, участникам, требуют новых представлений человека о своем месте в мире, социуме, самом себе, возможных и

процессе с другими людьми. Но одно дело, когда эти практики меняются постепенно, «явочным порядком» интегрируя складывающийся опыт в новый социальный порядок, который становится равнодействующей воли и интересов. И другое — когда изменения оказываются программой некоего единого инжиниринга — не только социально-культурного, но и антропологического. А советский проект был именно таким — в ходе его реализации был проведен грандиозный эксперимент создания принципиально иного типа общества, предполагающего не просто культурную революцию, а формирование нового человека. Поэтому в этом случае ключевой вопрос формулируется следующим образом: кто занимается переустройством социума и других людей, откуда берутся такие «прогрессоры», и если они суть порождение этого же социума, то насколько новый проект они предлагают?

Предпосылки анализа

Уникальный советский культурно-исторический феномен с его типологически специфическим образом жизни, социального обустройства, самоопределения и позиционирования личности философско-антропологическими, морально-нравственными, социально-психологическими проявлениями не случаен для российской культуры, поскольку имеет в ней глубокие корни, воплощающие ее в почти эйдетически чистой форме. Предыстория этого проекта довольно основательна. Наверное, следует начать с апофатичности («пасхальности») восточного христианства, в котором позитивная божественная сущность в этом мире не дана — она его покинула, оставив надежду на спасение и воскресение [Есаулов, 2020]. Вследствие чего жизнь в этом мире, как и ее атрибуты (здоровье, благополучие, собственность, труд, право), ценностью не является. «Здесь и сейчас» — юдоль страдания, предуготовления к воздаянию в являющейся ценностью жизни иной: в потустороннем мире, светлом будущем, где-то еще, но не «здесь и сейчас»¹.

Эта глубокая «пасхальная» апофатичность проявилась и в российской художественной культуре, включая предмет ее особой гордости — литературу. Так, обширное исследование А.П. Давыдовым русской классической литературы (содержание и результаты более

Г.Л. Тульчинский
Социальность
и субъект-
ность в совет-
ском проекте
человека

¹ В катафатическом западном христианстве главным праздником является Рождество — празднование прихода божественной сущности в этот мир, в каждый дом, а дизайн храма носит изобразительно-телесный характер. Наверное, неспроста именно в рамках этой традиции возникло позитивное естественнаучное знание. Роли практик накопления в возникновении и эволюции катафатичности посвящены некоторые работы [подробнее см.: Травин, 2022; Тульчинский, 2022a].

средств массовой коммуникации и участия в социальной жизни. Что, собственно, и обеспечивалось советским режимом в его своеобразной мифократической форме. В Европе этот процесс начался раньше и шел не так бурно. В России же не оказалось ни полноценной элиты, ни гражданского общества — главных корректоров культуры массового общества. «Явился пренебрегший театральной рампой хор и принялся управлять жизнью. Только явился он не в античных одеждах, а в мужицких зипунах, солдатских шинелях и кожанках Чека» [Кантор, 2011: 204].

Однако было еще нечто важное, не улавливаемое с чисто экономической и политической точек зрения. Речь идет о том, что В.К. Кантор называет «фактором Х» [там же: 205], связывая его с определенным антропологическим, психологическим типом, вышедшим на первый план. Речь идет о нарастании акцентирования актерства в реальной жизни. Эта тенденция отмечалась и чувствовалась на рубеже XIX–XX веков многими, а после катастрофы Первой мировой войны даже бросалась в глаза. Актерствовали «святой старец» Г. Распутин и «пишущий босяк» купеческий внук А. Пешков (М. Горький), футурист в «желтой кофте» В. Маяковский и стилизующийся под черного мага В. Брюсов. То же и в политике. Российские революционеры выступали под кличками, за которыми стояли не только требования конспирации. И. Джугашвили взял партийную кличку Коба в честь романтического разбойника из грузинского романа. Потом он стал Сталиным, а сын приказчика и внук купца В. Скрябин — Молотовым. «Театрализованным разбойником» называл Л. Троцкого П. Сорокин. Да и А. Гитлера, Б. Муссолини современники попервоначально называли шутами и клоунами, а их «перевороты» — буффонадами.

Однако дело даже не в трикстерстве (которое само по себе заслуживает отдельного внимания) — просто музилевский «человек без свойств» становящегося массового общества был очень пластичным и в этой своей пластичности чутко реагирующим на вызовы времени, включая акцентированно декларируемые идеалы. Похоже, дело не столько в каком-то злодее-тиране. Сам он оказывается ответом на масштабный запрос о том, как строить новую жизнь в ситуации рухнувших ориентиров. В ситуации, когда личность, как писал Г.Г. Шпет, «распускается», как кусок масла на сковородке (а когда российская «сковородка» была не раскалена?), возникает не только сладость ощущения «слиянности», но и готовности «слиться» в предлагаемые привлекательные формы.

В контексте обсуждаемой темы важен тот факт, что в первые два послереволюционных десятилетия сформировался особый тип (отчасти даже поколение) советского человека, который можно рассматривать в качестве действительно «нового человека».

Г.Л. Тульчинский
Социальность
и субъект-
ность в совет-
ском проекте
человека

Возможно, это был реальный главный антропологический результат советского проекта того периода. Об этом поколении писали В.П. Беляев, Ю.В. Бондарев, Ю.М. Нагибин, А.Н. Рыбаков, Б.А. Слуцкий... Речь идет о поколении, детство которого пришлось на Гражданскую войну, юность — на становление советской власти, «великий перелом», коллективизацию и индустриализацию, взросление — на Великую Отечественную войну, пережить которую удалось не всем.

Это были уже не умопостроенные «разумные эгоисты» Н.Г. Чернышевского, не самоотверженные борцы подполья или воины Гражданской войны, а реально обустроивающие новую жизнь в новом социуме, не «лишние», а нужные такому социуму люди, знающие, как эта жизнь может и должна выглядеть, верящие в свои силы это осуществить [Тулчинский, 2022б]. Подобным преследователям истинной и полной справедливости были свойственны специфическое понимание прогрессивности и реакционности, нетерпимости и безальтернативности, ожидание от всех «сознательности» во всем. Помимо прочего, данные свойства служили основой практик бдительности, секретности, доносов, чистки рядов, бесконечной череды собраний и политинформаций [Советское бытие, 2022: 264–289]. А главное, что подтверждается и в упомянутом корпусе исследований С.А. Никольского, — отношение к человеку как расходному материалу реализации идей. И под такое отношение подпали не только «бывшие», «спецы», крестьяне, но и само это поколение.

Часть этого поколения «смыла» волна репрессий, одновременно порушив и энтузиазм реализации утопии, а уцелевших в изрядной степени «прорядила» Великая Отечественная война, победить в которой, собственно, и помогло именно это поколение. К нему принадлежали «ифлийцы», которые создали новую советскую поэзию и философию. Импульс того поколения отчасти реализовался в «оттепели» 1960-х — хотя бы в частичном восстановлении попорченного идеала. В философском изводе данный советский антропологический тип представлен яркими примерами фигур А.А. Зиновьева и Г.П. Щедровицкого — таких разных, но с элементами трикстерства, по-советски нетерпимых, постоянно рефлектирующих. Именно им принадлежат два важных обобщения.

Парадоксальность советского опыта: обобщение Г.П. Щедровицкого

Как фиксирует Г.П. Щедровицкий, в нашей стране сложилась весьма неоднозначная ситуация. То, что мы получаем посредством

культуры, посредством системы образования, принятой у нас с середины 1930-х годов, принципиально не соответствует тому, что нужно людям в их реальных социальных повседневных ситуациях жизнедеятельности [Щедровицкий, 2001]. И это было очень точное свидетельство. Само становление советского режима — и чем дальше, тем все больше — сопровождалось нарастающей регламентацией, неприятием способности именно к автономному ответственному поведению. В художественной литературе, кино, системе образования, системе пропаганды провозглашался свободный творец, тогда как в реальной социальной жизни практиковались контроль и жесткая регламентация, когда человек с самого детства и до глубоких седин не был хозяином своей собственной жизни.

С.А. Никольский прав: многое зависело от насилия и страха. Но их дополняли мощная пропаганда великих и славных идеалов, провозглашение советского человека как свободного творца, тогда как реальные границы свободы и ответственности сводились к границам кожно-волосяного покрова, хотя даже в них человек не был хозяином своей жизни, не говоря уже о стране. В этом плане кейс советского опыта противоречив. С одной стороны, налицо культурная революция, всеобщее образование, культ здоровья, гигиены (одна система канализации в Петрограде/Ленинграде чего стоит!), физкультура и спорт. С другой — в заорганизованном, идеологически контролируемом социуме это было проявлением заботы о «человеческом материале», но не о потенциале личностной субъектности. Такое общество расслаивалось на «прогрессоров» и этот самый «человеческий материал» — «новых людей», которые свободны, так как познали необходимость. Кто не осознал — тот враг народа, нежелательный элемент, агент, имеет прочие клейма, а то и сразу — 10 лет без права переписки. В результате запуганные люди решают свои проблемы не «горизонтально», а только через «вертикаль» самозванных «прогрессоров».

Сей усиленный властным нажимом процесс в конечном счете породил глубоко коренящиеся до наших дней, парадоксально сочетающиеся друг с другом инфантилизм, безответственность («выученная гражданская беспомощность») и нетерпимость. Люди оказались не способны к выстраиванию «горизонтальных» отношений, решению своих проблем самостоятельно. Была выработана привычка все вопросы — от производственных до личных — решать через «вертикаль», с помощью либо жалобы, либо доноса. В этом кроется и удивительная недоговороспособность. В спорах — и в бизнесе, и в политике, и в личной жизни — играют игры «с нулевой суммой»: все либо мне, либо тебе. Подготовленные медиаторы — специалисты по посредничеству

Г.Л. Тульчинский
Социальность
и субъект-
ность в совет-
ском проекте
человека

ритуалов, было названо «*communitas*» [Turner, 2012] и получило новое осмысление на материале майских событий 1968 года во Франции [Agamben, 1993; Nancy, 1991]. Такое состояние выходит на первый план во время революций, войн, иногда во время массовых мероприятий, грандиозных кампаний (например, коллективной травли).

Что же касается трех аспектов, векторов реализации социальности в жизни «человейников», то это зиновьевское обобщение порождает ассоциации с фроммовскими модусами бытия «иметь» и «быть», западными и восточными культурами управления и коммуникации у Г. Хофстеде [Hofstede, 2001] и Р. Льюиса [Lewis, 2018], двумя форматами этики В. Лефевра [Лефевр, 2003]. Поэтому (пост)советская коммунальность — не срыв в архаику, а акцентированный вектор социального бытия. Показательно совпадение этого различения и с недавним социологическим исследованием мотивации стартаперов в России и их коллег в Финляндии, Китае, Корее [Фантастические миры, 2019]. Иностранцы ориентируются на конечный результат (внедрение и монетизацию), отечественные — на процесс и признание таланта (но не конечного результата, так как выскочек не любят). Это объясняет, почему при таком большом количестве талантов российский бизнес и технологии не реализуются на родине, где остается удручающе низкий уровень производительности труда. А для конечного успеха надо выезжать (как, к примеру, П. Яблочков, И. Сикорский, В. Зворыкин... вплоть до Д. Бутерина).

Однако дело, очевидно, не столько в различении коммунального («быть») и делового («иметь») принципов управления по целям (по-американски) и по ценностным нормам (по-японски), сколько в их соотношении и дополнении, балансе. Цели определяют по шкале ценностей, которые задают поле возможного выбора, как дорожные правила задают общие правила, руководство которыми позволяет водителям достигать целей. Аналогичны соотношение и дополнительность целей бизнеса и норм корпоративной культуры. Да и А.А. Зиновьев полагал, что «хрен» западнизма не слаще «редьки» реального коммунизма: оба они насаждают консолидирующий ментальный план, обеспечивающий легитимность власти.

Такого рода социальности у А.А. Зиновьева противостоит индивидуальная мораль человека, выживающего в социальности. Либо растворяющегося в ней (отказ от субъектности человека «массового», «убежденного», по Р. Хофферу [см.: Хоффер, 2017]), либо использующего законы социальности в своих целях для

Г.Л. Тульчинский
Социальность
и субъектность
в советском
проекте
человека

властной волей, претендующей на творение сущего из его отсутствия. Закрепленный Гражданской войной, коллективизацией, идеологией усиления классовой борьбы, которая подкреплялась репрессиями, этот опыт сказывается до сих пор. Более того, применительно к новым цивилизационным условиям он оказывается «пробой пера».

Информационно-коммуникативные технологии в цифровых форматах, пронизывающие все сферы современной социальной жизни, отчетливо выявляют две технологически подкрепляемые тенденции. С одной стороны, это невиданный ранее жизненный комфорт, обеспечиваемый широкой доступностью к каналам коммуникации. Одним из его следствий становится возможность непосредственной презентации эмоциональных переживаний, что оборачивается обилием непроверенной, ложной информации, порождающей конфликтность и агрессивность, доходящую до травли, практик «отмены» и т.п. Будучи подкрепленными широким использованием ИИ, эти процессы становятся мощным инструментом манипулирования, угрозой ущерба репутации, здоровью, благосостоянию, жизни. С другой стороны, это все разрастающаяся тенденция обеспечения безопасности, контроля, которая, опять-таки подкрепляемая технологически, порождает колоссальное искушение власти властью такого всеобъемлющего контроля.

Относительно проблемы субъектности обе тенденции технологически сливаются в формировании целостной, алгоритмически выстроенной среды, которую ее создатели называют «экосистемой» или «метавселенной». Здесь человек вынужден встраиваться в созданные заранее алгоритмы поведения и мысли, во все большей степени становясь не столько пользователем, сколько опцией этой среды [Тульчинский, 2023]. В рыночной среде большие данные порождает новый вид ренты («экзистенциальной»), когда самим фактом своего существования, включая потребление, человек оставляет данные, которые аккумулируются, обрабатываются и монетизируются. А в социальной среде личность вынуждена встраиваться в жесткие рамки контроля — от системы образования, сводящегося к тестам, до форматов социального рейтинга своего поведения, образа жизни. От человека требуется не осмысляющая рефлексия, а геймерская реакция, реализующая правильный алгоритм. Поле субъектности сужается до ее сердцевины и истока — эмоционального переживания жизненного процесса, восходящего к телесному опыту. «Новая животность» и «homo sacer», о которых ярко и убедительно пишет Д. Агамбен, обретают отчетливые формы [Агамбен, 2011].

В терминологии А.А. Зиновьева, западнистский «человеиник», акцентированный на экономические аспекты своего существования,

Г.Л. Тульчинский
Социальность
и субъектность
в советском
проекте
человека

понимания человека, перспектив культуры и личности в контексте интенсивнейшей трансформации социального бытия в наше время. Цифровые технологии, формализующие социально-культурные практики, меняют не только экономику, политику, образование, но и весь образ жизни, в результате чего намечается некоторый дисбаланс в сторону технологически обеспеченного «укрощения» вменяемой субъектности. В этико-правовом вызове это выражается в соотношении технологии контроля и личностной парресии, в политэкономическом вызове — в экзистенциальной ренте, в метафизическом — в полюсах человека-опции и «не-человеческой» субъектности, в социальном — в перспективах расслоения социума в зависимости от степени принятия и реализации ответственной субъектности (при этом здесь на первый план выходит «менталитетный» аспект — специфика смысловой картины мира, консолидирующей конкретный социум, не способной к конструктивному взаимодействию с другими, зачастую им исключительно противостоящей).

Все вышеозначенное, как представляется, порождает новый запрос на гуманитарное знание, на институционализацию комплексной гуманитарной экспертизы не только и не столько последствий реализации новых технологий, но и целей, содержания и хода их разработок, а также процесса их внедрения, включая участие во всех этих этапах.

Sociality and Subjectivity in the Soviet Man Project

Grigorii L. Tulchinskii

DSc in Philosophy, professor, professor of the Department of Public Administration.

National Research University Higher School of Economics.

16 Soyuza Pechatnikov Str., St. Petersburg 190008, Russian Federation.

Researcher of the Institute of Education and Humanities.

Immanuel Kant Baltic Federal University.

14 Alexander Nevsky Str., Kaliningrad 236041, Russian Federation.

ORCID 0000-0002-5820-7333

gtul@mail.ru

Abstract. An attempt has been made to generalize the experience of the understanding the Soviet project of the new man, carried out in the 21st century. The proclaimed creation of a communist society implied not only the elimination of private property, the development of corresponding social relations. These radical transformations simultaneously formed a new consciousness among the participants in this process, required active actors. This radical anthropological experiment was very controversial both in its implementation and in its results. On the one hand, propaganda and

Г.Л. Тульчинский

Социальность
и субъект-
ность в совет-
ском проекте
человека

- Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. Магадан: Новое время, 2020.
Esaulov I.A. *Paskhal'nost' russkoi slovesnosti* [The Easter of Russian Literature]. Magadan: Novoe vremya Publ., 2020.
- Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Канон+, 2022.
Zinoviev A.A. *Faktor ponimaniya* [Understanding Factor]. Moscow: Kanon+ Publ., 2022.
- Кантор В.К. «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов (становление философского пространства в России). М.: РОССПЭН, 2011.
Kantor V.K. “*Krushenie kumirov*”, ili *Odolenie soblaznov (stanovlenie filosofskogo prostranstva v Rossii)* [“The Crash of Idols”, or Overcoming Temptations (The Formation of Philosophical Space in Russia)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011.
- Лефевр В.А. Алгебра совести / пер. с англ. В. Лефевр, Е. Юдиной. М.: Когито-Центр, 2003.
Lefebvre V.A. *Algebra sovesti* [Algebra of Conscience], transl. from Engl. by V. Lefevr, E. Yudina. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 2003.
- Никольский С.А. Переустройство общества и пересоздание человека: крах иллюзий // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023а. Т. 7, № 2. С. 203–222.
Nikolsky S.A. Pereustroistvo obshchestva, peresozdanie cheloveka: krakh illyuzii [The Reorganization of Society, the Re-Creation of Human: The Collapse of Illusions]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. 2023a. Vol. 7, N 2. P. 203–222.
- Никольский С.А. Советское. Идея и практика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023б.
Nikolsky S.A. *Sovetskoe. Ideya i praktika* [Soviet. Idea and Practice]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2023b.
- Никольский С.А. Советское. Философско-литературный анализ. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024.
Nikolsky S.A. *Sovetskoe. Filosofsko-literaturnyi analiz* [Philosophical and Literary Analysis]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2024.
- Советское бытие: От укоренения до преодоления: Коллектив. науч. моногр. / науч. ред. Т.С. Злотникова, С.А. Никольский. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022.
Sovetskoe bytie: Ot ukoreneniya do preodoleniya: Kollektivnaya nauchnaya monografiya [Soviet Life: From Rooting to Overcoming: Collective Scientific Monograph], ed. by T.S. Zlotnikova, S.A. Nikolsky. Yaroslavl': YGPU Publ., 2022.
- Травин Д.Я. Как государство богатеет: путеводитель по исторической социологии. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022.
Travin D.Ya. *Kak gosudarstvo bogateet: putevoditel' po istoricheskoi sotsiologii* [How a State Gets Rich: A Guide to Historical Sociology]. Moscow: The Gaydar Institute Publ., 2022.
- Тульчинский Г.Л. Апофатика и институционализация: прагмасемантический анализ // Политическая концептология. 2022а. № 3. С. 29–48. DOI: 10.18522/2218-5518.2022.3.2948

Г.Л. Тульчинский
Социальность
и субъект-
ность в совет-
ском проекте
человека

